

Валя Саар

ПЕЧАТЬ БЕЗМОЛВИЯ

на пределе чувств

18+

Валя Саар

Печать безмолвия

«Автор»

2023

Саар В.

Печать безмолвия / В. Саар — «Автор», 2023

Он – композитор, в погоне за мечтой приехал в Нью-Йорк, но за шесть лет так и не приблизился к ней. Жажда выпустить диск с музыкой, которая, вызывая сильные эмоции, будет пробуждать людей. Только сам среди «спящих»: сдал себя в аренду – работает продавцом в магазине музыкальных инструментов, и лишь раз в неделю – в канун выходных, когда импровизирует на клавишных в баре, душа его наполняется. Кто бы мог подумать, что в обычный вечер пятницы один взгляд незнакомки перевернет его мир. Но не все так просто. Реми – девушка из бара – отчаянно желает отведать все оттенки вкуса жизни... Жизни, которая ей не принадлежит.

© Саар В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Он	5
Глава 2. Она	6
Глава 3. Он	8
Глава 4. Она	12
Глава 5. Он	16
Глава 6. Она	19
Глава 7. Он	22
Глава 8. Она	27
Глава 9. Он	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валя Саар

Печать безмолвия

Глава 1. Он

Наступил долгожданный вечер пятницы. Пальцы скользили по клавишам, задавая романтический настрой. Хотя мне казалось, что я один это чувствовал, и собравшимся в баре отужинать в честь праздника всех влюбленных не было никакого дела до музыкального сопровождения. Я был готов поспорить, большинство даже не замечало немецкое фортепиано, затаившееся в углу у сцены, воспринимая мелодию, как безликий фон, льющийся из динамиков.

Но они так ошибаются! Звуки, вылетающие из-под подушечек моих пальцев, живые. Они рождаются в это самое мгновение, объединяются, меняются местами, создавая неповторимые переливы. Импровизация. Ни с чем не сравнимое удовольствие позволить чувствам воспарить над черно-белыми клавишами, легко касаясь их точно крыльями бабочки, и дать возможность эмоциям обрести музыкальную форму.

Сегодня я находился в приподнятом настроении. На то не было никаких объективных причин. Я просто хорошо себя чувствовал и выражал это так, как умел. Именно ради того, чтобы высказаться, я играл здесь каждую пятницу. Ничто иное в эти несколько часов больше не существовало. В полумраке подвального помещения лицом к лицу со старичком Zimmermann я мог быть собой, не оглядываясь на неудачи, следующие за мной по пятам. Меня отпускали терзания о стопке неоплаченных счетов, о том, что через месяц я разменяю четвертый десяток, но так и не добился того, ради чего шесть лет назад приехал в Нью-Йорк. За мечтой...

На очередной кульминации слух уловил едва различимое рукоплескание. Не переставая играть, я перевел взгляд в зал. Воркующие парочки, шумная компания – никто не обращал внимания на пианиста-невидимку.

Быть может, мне показалось?

Я вернулся в свой уединенный уголок и перешел к коде, как снова мое внимание привлек звук, похожий на хлопанье маленьких крыльев.

Закончив партию, я, наконец, заметил Ее. Она смотрела на меня из противоположного угла зала из-за столика для одиночек, сотрясая воздух изящными ладошками. Каштановые выющиеся прядки закрывали половину миловидного лица. Я поймал ее взгляд и благодарно кивнул.

У меня появился слушатель?!

Мысленно сорвавшись с места, я вытянул незнакомку за руку и закружил по паркету. Пальцы перебирали клавиши. Бахрома на платье девушки танцевала в такт мелодии, а глаза озорно смеялись. Я набирал темп, теряя остатки контроля. Музыка пронизывала меня, точно лучи мощного прожектора, она потоком вырывалась из пальцев, сметая с пути остатки прежних поражений.

На последних аккордах зал как будто наполнился грохотом ударных. Обернувшись, я с удивлением столкнулся с десятками восхищенных глаз, устремленных на меня. Посетители аплодировали. А все, что мне было нужно в этот момент – вновь увидеть виновницу моего триумфа. Но за столиком для одиночек никого не оказалось. Лишь бокал с недопитым вином служил подтверждением, что незнакомка мне не привиделась...

Глава 2. Она

Нью-Йорк встретил меня снежными объятьями, вмиг стерев следы мучительного ожидания из-за задержки рейса. Запрокинув голову, я наблюдала за танцем пушистых хлопьев в неоновом свете небоскребов, увешанных рекламными табло. Все это я уже видела раньше, на страницах моих книг. Но одно дело быть сторонним наблюдателем, и совсем другое – участником событий в реальном 5D кинотеатре.

Вот она – настоящая жизнь, сошедшая из-под пальцев, стучащих по клавиатуре.

«На древе успеха много яблок, но если тебе удалось завоевать Нью-Йорк, тебе досталось большое яблоко» – так говорили в среде джазовых музыкантов.

Я мечтала об этом городе, сколько себя помню. И как только получила первый весомый авторский гонорар за экранизацию моего романа, я не сомневалась, как именно хочу отпраздновать профессиональную победу, и не раздумывая взяла билет на самолет.

Наполненная восторгом до краев, я пошла по пути моей героини, первым делом заселившись в номере отеля Plaza за две тысячи долларов за ночь. Еще недавно такая сумма составляла весь мой месячный бюджет. И я не могла даже подумать о том, чтобы спустить столько за один день. Но я обещала себе. И стойко держала слово. Мечты ведь должны сбываться.

Завтра я вернусь домой в Чикаго, к привычной жизни, и остатка денег мне вполне хватит, чтобы не отвлекаться на финансовые вопросы до Нового года. Хотя... Завтра ведь может и не наступить. В таком случае в моем распоряжении имелся только сегодняшний день, чтобы насладиться им сполна. Похвалить себя за упорство, за то, что, несмотря на десятки отказов издательств, я в свое время не свернула с выбранного пути. Результат, конечно, заставил себя ждать. Долго. Но какая теперь разница. Одна мысль, что все было не зря, заставляла меня ликовать. Остальное не так уж и важно. Гулять так гулять.

После ужина в роскошном ресторане отеля Plaza я вышла на улицу. Улыбнувшись швейцару, отрицательно покачала головой в ответ на предложение остановить для меня такси.

Разве можно лишать себя удовольствия дышать этим городом?

До следующего пункта назначения из листа желаний было не больше двух миль. В свое время Brandy's Piano Bar на 84-й я выбрала для книги случайно, открыв ресторанный путеводитель на первой попавшейся странице. Мне нужно было тихое местечко с хорошей музыкой для романтического вечера моих героев.

Не знаю, на что я рассчитывала, не забронировав место заранее в День святого Валентина. Наверное, на то, что все сложится наилучшим образом. Так и получилось. Единственный свободный столик для одиночек ждал именно меня.

Я заказала бокал красного сухого вина и принялась за дело.

Внимание и наблюдение – главные инструменты писателя. Обычно я подмечала детали, впитывала атмосферу, видела за лицами истории жизни, разгадывала секреты. Но сейчас я занималась обратным, сопоставляя написанное с картиной реальности. Это было еще увлекательнее.

У меня перехватило дыхание, когда я заметила у бородатого бармена на плече татуировку дракона.

Господи, да как такое может быть?! Я же придумала ее... Или нет?

Волнение прокатилось по телу, приподняв волосы на затылке. И в это мгновение, будто вторя моим эмоциям, зазвучало фортепиано. Чуть ссутулившийся силуэт в пиджаке с кожаными заплатками на локтях склонился над инструментом, покачивая головой в такт разливающейся мелодии.

Не сдерживая восхищения, я захлопала в ладоши. Пианист поймал мой взгляд, кивнул и мягко улыбнулся.

Как это прекрасно!

Я не могла оторваться от него. Длинные пальцы то и дело взмывали ввысь, и планируя, ласково касались клавиш. Пианист будто танцевал, отдавшись чувствам. И моя душа кружилась вместе с ним.

Образы полетели вереницей перед глазами. Открыв заметки на телефоне, я едва успевала записывать. Вдохновение рождает вдохновение. Ударная доза. Я и не надеялась. До сдачи первых глав новой книги был еще месяц, и я до последнего отодвигала момент, чтобы начать. А тут... Слова разрывали пальцы, стремясь гурьбой вырваться наружу. Писать на телефоне оказалась так себе затея. Крепко ухватив ниточки мыслей, я сделала большой глоток вина и помчалась в отель, где остался ноутбук.

Я не жалела о потерянном из-за непогоды дне. Даже несколько часов в городе мечты дали мне больше, чем я могла вообразить. И впереди меня ждала бессонная и счастливая ночь в работе.

Глава 3. Он

Солнечные лучи играли на клавишах, отбрасывая резкие тени от возвышающихся черных на контрастных соседок. Я сидел неподвижно, никак не решаясь вступить.

Пока не было покупателей, я часто оставлял свое место за стойкой с кассовым аппаратом, чтобы смахнуть пыль с белоснежного рояля у окна. По правде говоря, благодаря моему вниманию инструмент всегда блистал чистотой. Каждый день я пользовался рабочим положением, в попытках создать то, что озарило бы однообразные будни проблеском новизны. Не всегда получалось. Но я не отступал.

Ре, ми. Ре, ми, – задумавшись, выдали указательный и средний пальцы.

Такие моменты поглощающей эйфории, как в прошлую пятницу, случались редко. И каждый раз, поднимая крышку инструмента, мне хотелось вернуться в это состояние всемогущего творца. Когда смотришь будто со стороны, наслаждаешься совершенством мелодии, щедро одаривая себя овациями. Когда верховодит душа, а не телесная оболочка с разумом. То, что создано из ума, никогда не коснется потаенных уголков другого человека. Правильность, соответствие канонам может дать почву для восторженных отзывов критиков, но разве ради этой оценки я начинал заниматься музыкой? Отнюдь. Я хотел делиться эмоциями, пробуждать людей ото сна, заставлять их чувствовать. Чувствовать себя живыми.

Эта мысль взбудоражила меня. И пальцы пустились в пляс, наполняя помещение жизнью.

Я остановился, чтобы скорее записать в нотную тетрадь родившуюся мелодию, как звякнул колокольчик над дверью.

В магазин вошла пожилая леди. Миссис Брейкер – хозяйка кондитерской по соседству иногда заглядывала, чтобы угостить меня свежими эклерами и заодно послушать.

Я коротко поприветствовал ее, попросив подождать.

Помедли я хоть пять минут, и композиция ускользнула бы из памяти. Бегло набросав ноты, я поприветствовал Миссис Брейкер уже как следует, тепло улыбнувшись.

Ее покойный супруг играл на контрабасе, и музыка была неотъемлемой частью ее жизни. Мне кажется, она и навещала меня, чтобы только вернуться в те дни, когда они с мистером Брейкером были вместе, и он играл для нее. И я был рад ее обществу.

– Что хотите послушать сегодня?

Она положила пакет с выпечкой и подставку с двумя стаканчиками на кофейный столик, сняла берет и поправила пышную прическу.

– «*My way*», пожалуйста! – восторженно, как это свойственно старикам, попросила она.

Ее выбор не удивил меня. Эта песня Синатры была поистине великой и отзывалась представителям любых поколений. Фрэнк был моим давним другом, я частенько коротал вечера в компании его голоса.

Я свел кисти в замок, похрустев пальцами, и принялся играть. Миссис Брейкер подошла к окну, отвернувшись от меня вполоборота, и тихонько заскрипела как старая пластинка, едва шевеля губами:

Теперь уже конец близок,
И я стою у финального занавеса.
Друзья, я обо всем расскажу вам,
Расскажу о том, в чем абсолютно уверен.

Я прожил полную жизнь,
Я исколесил полмира.
И, что гораздо важнее,

Я сделал это по-своему.

Сожалею ли я о чем? Да,
Но не о многом.
Я делал то, что должен был делать,
И, честно, выполнил все.

Я тщательно планировал каждое движение,
Каждый шаг на своем пути.
И, что гораздо важнее,
Я делал это по-своему.

Конечно, были времена, как и у любого из вас,
Когда я переоценивал свои силы.
Но всегда, когда меня одолевали сомнения,
Я либо справлялся с трудностями, либо отступал.
Потому что я все делал по-своему.

Я любил, я смеялся и плакал,
И на мою долю выпали потери.
Теперь, когда слезы высохли,
Все кажется таким забавным.

Подумать только! Я сделал все это!
Можно я скажу без излишней скромности? –
Нет. Нет, это не я.
Я сделал это по-своему.

Что есть человек? Что еще у него есть,
Если не он сам? Иначе – он нищий.
Человек должен говорить то, что он чувствует и во что верит,
А не повторять слова тех, кто пресмыкается перед другими.
Моя жизнь – доказательство тому, что я достойно принимал удары судьбы,
И делал это по-своему.

Да, я все делал по-своему.

Женщина промокнула платком уголки глаз, наполнившиеся светлой грустью, и внимательно посмотрела на меня.

– Я прошла путь по-своему. Не упустите этой возможности.

Я кивнул, по-настоящему понимая, о чем говорит пожилая леди. Мне нравилось обсуждать с ней смыслы песен, но в этот раз гостья сообщила, что ей вдруг захотелось прогуляться. Она всегда подчеркивала, как важно слушать себя. А я и не спорил.

Миссис Брейкер взяла свой стаканчик и удалилась навстречу шумному Нью-Йорку, пожелав мне удачного дня.

Славная женщина.

Я почти один в большом городе. Не так давно мой и без того узкий круг общения покинул близкий друг Джерри: скромный биржевой брокер и саксофонист. Мы играли вместе по пятницам после основной работы. В прошлом году, отправив видеозапись своего выступления

на конкурс старейшего джаз-клуба Чикаго – The Jazz Showcase, он вытянул счастливый билет. Ему предложили заключить выгодный контракт сроком на пять лет. Я был искренне рад за него.

У меня есть еще одна подруга в Нью-Йорке – Марли из книжного магазина на соседней улице, но как только на горизонте появлялся новый парень, она исчезала из вида, не забывая поздравлять меня со всеми праздниками.

Так что все мое общение сводилось к разговорам с покупателями музыкального магазина, где я работаю. Поэтому каждый звонок колокольчика над дверью был для меня ценен. Но для душевных бесед у меня оставалась только миссис Брейкер. Она поддерживала во мне веру, что все может быть так, как я захочу. Она живой тому пример. Деревенская девчонка, покоровшая мир умением вкладывать частичку любви в стряпню. В ее кондитерской лучшие эклеры на Манхэттене. В сладостях я знаю толк.

Что касается моего желания писать музыку и разбогатеть на этом, оно может показаться прожектом. Но я двигаюсь по направлению к цели. По-своему.

К этому моменту у меня есть семь стоящих композиций, и когда их наберется достаточно для альбома, я запишу демо и отправлю в крупные музыкальные лейблы.

В те времена, когда я копил силы, чтобы заявить о себе миру, денег от работы в магазине и баре вполне хватало свести концы с концами, пока я одним неразумным поступком не выбил почву у себя из-под ног. В магазин привезли цифровое пианино Yamaha CSP-150. И я пропал, как только оно зазвучало в моих руках. Старенький синтезатор отошел в мир иной почти сразу после переезда в Нью-Йорк, и я встречался с инструментом лишь на работе. Пришедшая новинка была мне не по карману. К тому же впереди маячила очередная дата, когда нужно платить за квартиру... Я сделал отчаянную попытку заполучить вожделенное сокровище, поставив все, что у меня было, на подающего надежды жеребца в воскресном забеге. Риск не оправдался. И вот уже полгода я разгребаю последствия, растягивая оплату по счетам. Из-за этого мне с трудом пишется. Сложно быть невозмутимым Буддой, когда тебе нечего есть.

Я сглотнул слюну, вспомнив про гостинцы из кондитерской миссис Брейкер. Густое какао с насыщенным шоколадным вкусом не успело остыть в термоподстаканнике. Я предусмотрительно проверил, не видать ли за стеклянной витриной покупателей, и отправил сразу половину эклера в рот. Сырный заварной крем раскрасил неповторимыми оттенками вкуса и без того прекрасное утро.

Разве законно так готовить?

Расправившись с завтраком, я ощутил прилив благодарности к миссис Брейкер. Она не только принесла мне пищу для исхудавшего тела, но, что еще более ценно, выбором песни подарила пищу для ума.

Как же важно идти по своему пути, быть тем, кто ты есть и делать то, к чему лежит душа.

Я выбрал для себя не самую простую дорогу. Будь я прирожденным юристом, как отец, к тридцати годам сколотил бы уже состояние. Но в творчестве пробиться нелегко. Особенно, что касается материальной отдачи. Но у Джерри ведь получилось! И время, когда он сдавал себя в аренду брокерской компании, осталось позади. Мы иногда созванивались, и голос друга в трубке звенел счастьем. Это возможно! Главное – не сдаваться.

Я вернулся за рояль. Взглянув на ноты свежей композиции, я ощутил жар в груди. Руки заскользили по клавишам.

Это оно!

Мелодия трогала меня самого до глубины души, вызывая целую гамму эмоций. Тревожное вступление, одолевающее сомнениями, сменялось яркой кульминацией, преисполненной уверенностью. Бывают такие фильмы, после просмотра которых наполняешься безусловной

верой в лучшее, и хочется жить. Новая композиция давала похожий эффект, вдохновляя на свершения.

Я, не откладывая на потом, задался вопросом: что я могу сделать прямо сейчас, чтобы приблизиться к цели?

Звонок над дверью ответил вместо меня. На пороге появилась пара средних лет с мальчишкой-дошкольником.

Лучшее, что я могу сделать сейчас для воплощения мечты, это поделиться ею с этим парнишкой, а заодно получить комиссионные с продажи инструмента.

Это действительно могло помочь. Я понимал, что как только выйду в точку безубыточности, перестану отвлекаться на финансовые неудачи, когда базовые потребности будут закрыты, я раз и навсегда освобожу вдохновение из темницы проблем. Хотя... Сегодня ведь получилось. И гнет долгов никак не помешал родиться новому треку. Что-то изменилось. Впервые за полгода я написал нечто стоящее. Перед глазами внезапно возник образ девушки за столиком для одиночек, которая рукоплескала мне накануне.

Как все-таки важно быть услышанным. Как ценно, когда тебя понимают.

Глава 4. Она

Я проснулась, когда за окном затеплился рассвет. Часы в номере показывали половину седьмого. Я никогда не была ранней пташкой, тем более что Чикаго еще даже не думал просыпаться. Ньюйоркцы опережали нас на час. Но, видно, организм, взбудораженный городом мечты, решил, что нескольких мгновений сна достаточно, чтобы восстановить силы после продуктивной ночи.

И то правда, отоспимся в старости, – подумала я, в очередной раз оценив совершенное устройство мира. Ранний подъем мог удачно компенсировать потерянное из-за нелетной погоды время.

Тем более утренняя пробежка в Центральном парке идеально вписывалась в распорядок дня моей героини, живущей на 5-й авеню.

Я привезла с собой три наряда: вечерний, который успешно выгуляла накануне, спортивный и прогулочный. И теперь у меня были все шансы к полудню, когда нужно будет освободить номер, освоить оставшиеся комплекты.

Облачившись в спортивный костюм, стеганую жилетку и кроссовки, я поспешила превратить в реальность следующую сцену книги.

На выходе из отеля я кивком поприветствовала услужливого швейцара в ответ на пожелание доброго утра и направилась в парк.

Свежий морозный воздух стер остатки сна. Спортсмен из меня был так себе. Максимум на что я годилась – это выбивать страйки на дорожке для боулинга. Но жажда прочувствовать хоть каплю впечатлений Реми подстегивала делать необычные для меня вещи.

Смогла она, значит, и у меня получится.

Ни на секунду не отвлекаясь от наблюдения за происходящим вокруг, я пристроилась за влюбленной парочкой, бежавшей по дорожке в медленном темпе.

Одинаковые шапки ребят с символикой нью-йоркского марафона поведали мне секрет их знакомства. Судьба свела их на одной линии в стартовом коридоре, и пробежав рука об руку сорок два километра, подбадривая и поддерживая друг друга, они больше не расставались. Она переехала к любимому из Бостона, о родном городе напоминала надпись на спине ее бомбера. Отчаянная девчонка. Оставила семью, друзей, поменяла работу. Чтобы не упустить шанс продлить марафон на целую жизнь. Общий интерес добавлял в их копилку время, проведенное вместе. У них были одни взгляды на жизнь. Только сильный духом человек способен на спортивные подвиги. Это многомесячный труд, преодоление лени, расширение возможностей и как кульминация – сам забег, наполненный смесью боли, отваги и радости победы над собой. Они прожили все это вместе. Такой опыт невероятно сближает.

Пробежка являлась неотъемлемой частью утреннего ритуала моей героини. Реми просыпалась ровно к концу Центрального парка, спустя четыре километра в неспешном темпе. На обратном пути она неизменно заглядывала в милую кондитерскую за стаканчиком бодрящего кофе, который отменно готовила пожилая леди. И частенько баловала себя сладостями. Перед витринами Coffee&Music устоять было невозможно.

Почти завершив круг, я проводила парочку бегунов теплым взглядом, а сама свернула к выходу на 5-ю авеню.

Кондитерскую с неповторимой атмосферой старых грампластинок и обволакивающим ароматом кофе я выдумала. Вернее, не так: я увидела ее в мельчайших деталях в воображении и просто описала буквально с натуры. Картинка была столь яркой, что у меня не возникало сомнений, это место существовало, в одной из реальностей точно.

Я прошла по 67-й, свернув на Мэдисон-авеню. Волнение нарастало с каждым шагом. Сыграет ли ставка на зеро? Я сознательно не проверяла факт существования Coffee&Music,

опасаясь разочароваться. Я не любила включать в книги несуществующие места. Читателю куда приятнее, вдохновившись историей, побывать в знаковых для героев точках на карте. Но этот раз стал исключением. Не могу объяснить, почему я отошла от правил. Просто мне захотелось так сделать. И точка.

Подняв голову на вывеску, напечатанную золотыми буквами на маркизе¹, созданной будто из старинного сюртука, я замерла в недоумении, не понимая, то ли радоваться мне, то ли плакать.

Eclair&Music

Ну почти угадала, – ухмыльнулась я и потянула на себя увесистую дверь с толстыми стеклами, между которых покачивалась пластинка, подвешенная за шнурок. Она едва касалась насыпи кофейных зерен. – По смыслу, так уж точно попала.

Вступив на порог, я с первых нот поняла, что пришла по адресу.

«Нью-Йорк, Нью-Йорк», – приветствовал меня звучный голос Фрэнка Синатры, напоминая о том, что сбывшаяся мечта всегда превосходит представления о ней.

Голова начала непроизвольно раскачиваться, а кроссовок отбивать ритм.

«Позволь все заново начать мне здесь, Нью-Йорк, Нью-Йорк».

Слова неожиданно отозвались в сердце.

С каждой минутой, проведенной в этом городе, мне все меньше хотелось уезжать. Я уже жалела о том, что приехала всего на два дня. Но либо так, либо никак. По-другому сейчас было нельзя...

В ожидании своей очереди я с любопытством разглядывала атмосферные детали, находя новые совпадения. Старенький патефон занимал почетное место на резном столике у стены, как я его и увидела.

Но за кассой дежурила миловидная блондинка, словно сошедшая с постера молодежной комедии. Я разочарованно вздохнула и хотела уже признать, что писатели – это обычные люди, а не волшебники, как мой взгляд остановился на портрете в изящной рамочке на стене. Фото было сделано здесь. На фоне густо-зеленой стены стояла в обнимку пожилая пара: седой мужчина в концертном костюме с контрабасом и милая леди, которая улыбалась из-под элегантной шляпки с вуалью, держа в руках блюдо с эклерами.

Так вот же она – та, что готовит отменный кофе для Реми! – осознание вмиг вернуло мне веру в себя и всемогущество слова.

Витрина с эклерами, точно картины импрессионистов привлекала внимание буйством аппетитных красок. Посыпки, глазурь и витиеватые названия начинок обещали, что утро обещает быть не просто добрым.

– Чудесное утро, не правда ли? Что будете заказывать? – заскрипел приятный голос из-за прилавка.

Я вздрогнула. Подняв глаза от сладких берегов, я обнаружила перед собой леди с фото. Она улыбалась яркой помадой, терпеливо ожидая моего решения.

Я ткнула пальцем в меню, указав на флэт уайт.

– Прекрасный выбор для раннего часа. Могу порекомендовать вам к нему сырные эклеры.

Я благодарно кивнула. Хозяйка упаковала в фирменную коробочку мой завтрак и протянула вместе с термостаканчиком.

Мне не хотелось покидать это место, наполненное музыкой и десертами, которые хотелось есть глазами – все и сразу. Я задержалась на выходе, дослушав последние аккорды «*It's a Wonderful World*» в исполнении нестареющего Луи Армстронга, и помахала милой леди.

---

¹ Легкий навес с наружной стороны здания над дверью или окнами из железа, стекла или ткани.

Всего нескольких минут, проведенных рядом с ней, оказалось достаточно, чтобы у меня язык не повернулся назвать ее старой леди. Ее глаза с резвящимися чертиками кричали о детстве – о времени, когда делаешь, что вздумается и наслаждаешься каждым мгновением.

Расположившись на скамейке в Центральном парке, на мгновение я прикрыла глаза, втягивая носом аромат кофе.

Обнаженные деревья вздрагивали от пронизывающих порывов ветра, покачивая спящими ветками. Пруд, плотно затянутый ледяной коркой, подначивал меня сорваться с места, разогнаться по пологому заснеженному склону и прокатиться на кроссовках по катку, созданному суровой февральской стужей. Глянцевое сизое блюдо, вычищенное от снега ветром, отражало облака.

Я оставила завтрак на скамейке и последовала на зов. В нескольких шагах от края я сбросила скорость, пойдя на поводу у инстинкта самосохранения. Как бы мне ни хотелось, я не доверяла миру на все сто. Провалиться с разбегу в студеную воду, когда лед не выдержит моего вторжения, было заведомо глупой идеей. Я наклонилась вперед, глядя на свое отражение в природном зеркале. Нечеткий силуэт, будто я стала приведением, всколыхнул во мне волну тревоги. Вот так всегда: любопытство подталкивало к новым впечатлениям, а я хваталась за вожжи, уворачиваясь от мнимых опасностей, и тем самым лишая себя заодно и радостей.

Быть, а не казаться!

Я решительно попятилась, дав себе еще один шанс. Разогнавшись в два прыжка, я заскользила по льду, который даже и не думал устраивать мне водные процедуры. Я чувствовала под ногами твердую опору, уходящую в глубину.

Доверие – то, что было до веры...

Довольная собой, я вернулась в наблюдательный пункт. Немного отдышавшись от эмоционального фейерверка, я отправила в рот смачный кусок эклера, буквально замычав во вкусовом экстазе от сладковато-сырной начинки.

Доверие действительно давало плоды. Рекомендация хозяйки Coffee&Music... Вернее, Eclair&Music... Рекомендация более чем удовлетворила мою душу. Сырный сыр с сыром будете? Еще бы! Дайте два.

Тщательно облизав пальцы, испачканные в креме, я, преисполненная благодарности, прикрыла глаза, смакуя послевкусию вдохновляющего писательского завтрака...

Неожиданно для себя сладостный момент я омрачила унылыми мыслями.

Почему я не позволяю себе так жить в обычной жизни? Поэтичный отпуск неизбежно сменится ничем не примечательными, прозаичными буднями. Когда один рассвет переходит в другой, и уже невозможно их различить в веренице шаблонных воспоминаний. Где драйв? Где эмоции? Где, собственно, сама жизнь в моей жизни?

***

Я чувствовала, как лица коснулись теплые солнечные лучи. Ветер разогнал тучи, позволив светилу беспрепятственно обниматься с прохожими. Нежный вишневый аромат щекотал нос. Я чихнула, зажмурившись еще сильнее, а потом медленно распахнула створки век. Следив бодрящий глоток флэт уайта, я почувствовала, как океан внутри меня тихонько плещется, сверкая бликами на поверхности.

На цветущей аллее показался выгульщик собак. Высокий и худющий, как борзая на одном из многочисленных поводков.

И как он один со всей этой стаей управляется? Как псы не дерутся между собой? Для меня было загадкой.

Мне нравились собаки, но я понятия не имела как это – нести ответственность за чужую жизнь. Я с одной-то едва справлялась.

Паренек поравнялся со мной, пожелав доброго утра. Я лишь улыбнулась в ответ, поглажив по голове здорового бобтейла, который решил поприветствовать меня поближе, заодно

проверить, что было раньше в пустой коробке из кондитерской. Такой милаш. Будь у меня дочка, она нашла бы применение его богатой шевелюре, как минимум наплела косичек и украсила россыпью бантиков.

Выгульщик собак издал какой-то особенный свист, и отставший пес послушно вернулся к остальным, засеменяв рядом с борзой. Парню даже не пришлось тянуть за поводок. Магия – не иначе. Потому я нарекла долговязого повелителем собак, провожая его восхищенным взглядом, пока он не скрылся за поворотом.

Глава 5. Он

Рабочая неделя подходила к концу. Я каждый раз ждал этого момента с нетерпением. Нет, не потому, что я ненавидел работу в магазине, это неправда, в ней определенно была масса плюсов. Просто я радовался предстоящей встрече со старичком Zimmermann. Там я по-настоящему просыпался и имел все шансы разбудить ненароком кого-то еще, коснувшись струн души. Играть для себя – то же самое, что писать в стол, с одной стороны, это давало возможность самовыражению, но с другой – какой в этом смысл? Быть услышанным, полезным миру – вот чего мне хотелось больше всего.

Я поставил магазин на сигнализацию и не спеша отправился в бар. До выступления в запасе было два часа, в самый раз, чтобы прогуляться по выверенному годами маршруту, спуститься в родной сердцу подвал и перекусить за барной стойкой.

Поравнявшись с витриной книжного, я задержался на мгновение, помахав Марли. Она обслуживала за кассой покупателей и, похоже, не заметила меня. Сейчас в ее жизни не было места для старого друга, и я не навязывал ей свое общество, с пониманием принимая расставленные ею приоритеты.

*C'est la vie*².

Я хотел было пойти прочь, как мое внимание привлекла стойка для бестселлеров. Манящий графический портрет девушки с перечеркнутым ртом украшал обложку. Название романа и имя автора я раньше не слышал, но игривый взгляд и платье с бахромой писательницы на фото с обратной стороны книги были мне знакомы.

Неужели это она – та девушка из бара, что вдохновила меня на лучшую композицию? И как созвучно название ее книги с настроением трека, что выскользнул у меня из-под пальцев. «Печать безмолвия»... Думаю, виновница моего творческого полета не будет против, если я его позаимствую.

Я кивнул собственному отражению, одоблив решение, и отправился дальше. За рабочую неделю я не продвинулся ни на дюйм в направлении мечты. Втайне надеялся снова услышать всплеск маленьких крыльев из-за столика для одиночек и оторваться от земли вместе с ними.

Но увы. Место обворожительной писательницы оккупировал старик, уныло тарашившийся в стакан на протяжении всего вечера. Публика пребывала в своих мирах, не пересекая границу моей импровизации. Я будто снова писал в стол. Отыграв положенное время, я захлопнул крышку фортепиано и разочарованный пошел домой. Вкусив однажды радость обратной связи, я был не согласен на меньшее.

Недели, взявшись за руки, пролетали одна за другой, кружа меня в бесконечном хороводе незнакомых лиц.

Миссис Брейкер загремела в больницу. В выходной я заглядывал навестить ее, но меня не пропустили в палату.

– Посещение разрешено только для родственников, информация о состоянии пациентов конфиденциальна, – безучастно сообщила медсестра в приемном покое.

Я хотел было возразить. Правила больницы обрекали мою приятельницу на тягучие дни, проведенные в болезни и одиночестве. Супруг миссис Брейкер дожидался ее вместе с родной сестрой в ином мире. Детей у четы не было.

Но я промолчал. Скандал вряд ли мог изменить положение вещей. Я не считал слабостью свою склонность огибать острые углы, напротив, этот навык был одним из моих немногочисленных достоинств. Если была возможность договориться мирным путем, я пользовался ею.

---

² Такова жизнь.

Идти к людям с бейсбольной битой, крушить устои, добиваясь справедливости любым способом, я считал неправильным.

Впрочем, медсестра не отказала мне в просьбе: сообщить о дне выписки миссис Брейкер. И спустя месяц я встретил старую подругу на пороге больницы с ее любимым макиато и эклерами из Ecler&Music.

Она расплакалась, едва услышав «*My way*», доносящийся из блютуз колонки, которую я повесил за шнурок себе на шею.

– Я не ожидала вас здесь увидеть. Мой путь... – утирая испещренные морщинистыми дорожками щеки, прохрипела миссис Брейкер.

Ее голос точно слился со звучанием потертой пластинки, записанной мной полчаса назад в ее кондитерской. В этой мелодии была сама жизнь со звоном блюдец, шумным дыханием кофемашины и гомоном посетителей на фоне.

Заказ для миссис Брейкер готов! – изящное колоратурное сопрано девушки-баристы перекрыло баритон мэтра в динамике.

Моя подруга сияла все ярче, будто родные звуки раздували искру ее существа. Она поблагодарила медсестру, отказавшись от помощи, и сама поднялась мне на встречу с кресла на колесиках, на которых обычно провожали тяжелых и пожилых пациентов на выписку.

Я взял леди под руку, передав ей теплый стаканчик, и мы не спеша зашагали навстречу весеннему дню.

– Как вы, мой мальчик? Что нового?

Я замялся с ответом. Похвастаться мне было особо нечем. Хотя я, наконец, закрыл долг и мог сконцентрироваться на главном. Но я не посвящал миссис Брейкер в свои финансовые неурядицы... А больше в голову ничего не шло. Казалось, я провел еще один месяц жизни бесцельно и бессодержательно. Писательница в бар не приходила. Хотя в тот счастливый вечер ее появление стало для меня знаковым. Искренний отклик от случайного человека убедил меня, что я на правильном пути. И теперь мне хотелось получить новую дозу веры, угасающей от бездействия.

Я сделал глубокий вдох, вобрав в легкие шумный город с желторотыми такси, цветущей сакурой и тихонько идущей рядом приятельницей.

И в этот момент понял, что бездействию отведена важная роль. Выдох без вдоха не существует. Чтобы создать нечто ценное, нужно наполниться, пропустить через себя саму жизнь. И тогда, преодолев призму восприятия моего существа, она вырвется наружу новым музыкальным творением.

Мы шли молча, понимая друг друга без слов. Мне было хорошо рядом с миссис Брейкер. Чувствуя, как невесомая морщинистая ладошка покоится на моем предплечье, я больше не был одинокой песчинкой мегаполиса. Друг нужен каждому. Пусть даже, чтобы разделить безмолвие... Я чувствовал, что пришло время сорвать злополучную печать с безмолвия.

– Пойдемте, посидим немного в Центральном парке. Устала я от стен. Лучше сейчас подышать, наполниться, – предложила спутница, будто услышав ход моих рассуждений до последнего слова.

Мы расположились напротив пруда на скамейке, усыпанной розовыми лепестками. Я собрал невесомую горстку крыльев маленьких фей, вдохнул нежный аромат и тут же зазвучал тонкой пронзительной мелодией, не веря такой удаче.

– Миссис Брейкер, простите, я оставляю вас здесь не дольше, чем на полчаса. Кажется, меня посетило вдохновение.

Старушка улыбнулась, одобрительно кивнув.

К счастью, ключи от магазина были при мне и в выходной день – на случай, если сработает сигнализация. Я буквально бежал, увиливая от встречных прохожих.

Только не упустить момент! – пульсировало у меня в висках.

Эlegantный приятель в белоснежном фраке ждал моего прихода. Я без прелюдий шумно распахнул клап³, прошелся пальцами по всем октавам и замер.

Неужели, я опоздал? Я смотрел на черно-белых солдат, готовых ринутся в атаку, на свои пальцы, зависшие в воздухе, и не мог пошевелиться. Будто кто-то поставил киноленту на паузу.

Я закрыл глаза и постарался вернуться на скамейку к миссис Брейкер. И у меня получилось. Я отчетливо услышал сладковатый аромат цвета японской вишни. Пальцы отозвались на команду и ринулись в бой. Пространство зазвучало. Мир снова стал живым. Я сделал тот самый наполняющий вдох. Я играл самозабвенно, не телом – душа танцевала по клавишам. И это было отнюдь не сражение с инструментом, скорее акт безусловной любви.

Не прошло и получаса, как я приземлился рядом с приятельницей, которая, казалось, не заметила моего возвращения. Опустив веки, она дожевывала эклер. У ее ног толпилась стая сизых голубей в попытках поделить брошенный им последний кусочек заварного теста.

Не открывая глаз, она спросила:

– У вас все получилось по-своему?

– Что простите? – Я был уверен, что не прервал ее трапезу своим появлением. Но теперь с шумом выдохнул, больше не опасаясь потревожить.

– Вижу-вижу, выдохнули. Значит, все удалось.

– Миссис Брейкер, вы будто читаете мои мысли...

– А что, если так? Людям, которые близко знают друг друга порой не нужны слова. Я чувствую все, что чувствуете вы – весь спектр. Пустоту, беспокойство, воодушевление, удовлетворение и любовь.

– Но как?

– Будь вы человеком науки, я бы потрудились объяснить вам, как устроен этот процесс. Но вы, мой мальчик, другой. Вам не нужны ответы. Правильно заданный вопрос даст вам гораздо больше – пробудит интерес.

Я задумался над сказанным. Она всегда оказывалась права. Наше мировосприятие было похожим, только я находился еще в начале пути, а она ушла далеко вперед.

– Я завтра сыграю для вас новую вещь, если позволите.

– С радостью приму столь ценный дар. – Она положила голову в ярко-синем берете мне на плечо и замолчала.

Мы с миссис Брейкер заполняли пустоту друг друга: она – ту, что осталось после утраты матери, я – ту, что не позволила приятельнице иметь детей. Это осознание переливом прошло по струнам моей души, второй раз за день включив режим творца.

Проводив миссис Брейкер до дома, я в сумерках направился в магазин. На этот раз я не торопился. Я знал, что вдохновением управляю я сам, и мне не составит труда закрыть глаза и увидеть его восход над горизонтом.

---

³ Откидная крышка, закрывающая клавиатуру.

Глава 6. Она

Мне все еще кажется, что вот-вот и я вернусь туда, откуда пришла. Открою глаза в безмолвии февральского дня на промерзшей скамейке Центрального парка. Буду и дальше подглядывать за происходящим украдкой, как безучастный наблюдатель. Но нет.

Все случилось тогда со скоростью света, как по написанному.

Так всегда бывает, когда я четко знаю, чего именно мне хочется. Счастье определенности снисходит на меня крайне редко, и я хватаюсь за показавшуюся на пороге идею, провожу в дом, холю и лелею, как дорогую гостью. Ценю такие моменты.

И вот я здесь, в месте, неожиданно ставшем для меня родным. Нью-Йорк осыпает меня лепестками сакуры, солнце жарит будто на дворе не апрель, а середина лета. Я чувствую себя живой. И от возможности испытывать весь калейдоскоп чувств я наполняюсь счастьем. Как же это приятно – стоять у штурвала жизни! И так день за днем. Я не загадываю наперед, не пытаюсь представить, что ждет меня за поворотом. Я просто есть. И этого достаточно. Многие люди не понимают ценности, которой обладают. Но я – не из их числа.

Пусть это эфемерный эпизод, в который мне каким-то чудом удалось попасть. Но ради таких дней, ради эмоций, которые рождаются каждую минуту, можно пойти на многое. Даже если придется принести в жертву чью-то жизнь... Хотя. Муки совести не беспокоили меня. Характер не тот. Уж такой меня сделал создатель. Создательница, если быть точной. Ох уж эти феминитивы. Бог у каждого свой. Моей Вселенной управляет женщина. Если вспомнить, что человек создан по образу и подобию, то очень даже похоже на правду.

Ноги гудели после бега, и это радовало. Я могла делать все, что захочу. Ну или почти все.

Я втянула через трубочку остатки флэт уайта, неприлично шумно оповестив всю аллею об окончании своей трапезы. Как оказалось, неприлично шумела не одна я. Услышав в стороне громкое улюлюканье, я повернулась на звук, желая увидеть, кому не спится кроме меня в столь ранний час. Компания из человек двадцати не спеша шествовала по дорожке. Все они были в наушниках и пританцовывали на ходу.

Первой моей мыслью было: Я тоже так хочу!

За ней промелькнула тень: А не причислят ли меня к городским сумасшедшим?

Но к счастью, у меня хватило ума добавить освещения, стирающего страхи, и позволить маленькой девочке внутри меня последовать на поводу у желания и присоединиться к танцевальной песочнице.

Одна из девушек, видно заметив мой неподдельный интерес, поманила меня пальцем, мол: «Чего расселась? Айда к нам!»

Я быстро сориентировалась, запустила трек, на котором остановилась в конце пробежки, и поспешила занять место рядом с пригласившей меня девушкой. Выглядела она завораживающе. Обтягивающий спортивный комбинезон с открытой спиной удачно подчеркивал совершенные изгибы миниатюрной фигурки. Засмотревшись на прекрасную танцевальную картину, я едва не врезалась в скамейку, выросшую на моем пути будто из ниоткуда. Спасибо парню, который на обгоне вернул меня на землю, указав на препятствие. Он больше, кстати, походил на баскетболиста, чем на танцора. Синяя форма Никс с ярко-цитрусовой цифрой три на спине подсказывала, что моя догадка близка к правде. Я не следила за спортивными новостями и понятия не имела, кто он – звезда мирового уровня или обычный фанат.

Любимый трек выдернул меня из размышлений, и я вприпрыжку припустила вслед за спасителем, активно пританцовывая.

Какое это было наслаждение! Словами передать невозможно. Мое тело и музыка слились в одно русло: энергия втекала в меня через наушники и, наполнив каждую клетку электрическим зарядом, вырывалась наружу.

Наша компания будто перенеслась на бродвейскую сцену, резвясь в лучах природного софита. Одни кружились, другие использовали в качестве партнеров фонарные столбы. Я заметила, как девушка, пригласившая меня, вспорхнула на скамейку, сделала еще шаг вверх, и, проскользив джазовками⁴ по спинке, грациозно полетела выдавать новые па на тротуаре. Свобода, драйв, разгоряченные тела, поразительное единение привели меня в восторг. Признаться честно, я сторонилась людей. Но здесь – другое дело. Никто не разговаривал с помощью слов, на которые я не смогла бы никак ответить. Коммуникация заключалась в ином. Руки, точно актеры кукольного театра, рассказывали историю, а выражение глаз или прикрытые веки добавляли спектаклю красок. Больше ничего и не требовалось. Все, что было нужно – позволить телу во всех его проявлениях говорить с миром. И это было идеально.

Впереди показалась пара патрульных. Парни в полицейской форме поприветствовали танцевальную делегацию снисходительными улыбками. Я инстинктивно метнулась в центр толпы, чтобы скрыться от глаз стражей закона. Сердце, и без того разгоряченное танцами, перешло на максимальное ускорение. В глазах поплыли черные точки. Я почувствовала, как обмякшее тело стремится уступить притяжению земли. И в этот момент невидимая сила подняла меня в воздух, прижала к чему-то большому и теплomu.

– Ты как? – спросил мужской голос с акцентом.

Я с трудом открыла глаза, показав жестом «окей». Все тот же спаситель в этот раз держал меня на руках.

– Помощь нужна? – издали крикнул один из полицейских.

«Номер три» вопросительно посмотрел на меня. Я тут же надела на лицо маску с приветливой улыбкой, и спустилась на землю.

– Спасибо, офицеры! Сами справимся, – ответил баскетболист.

Танцующие, испуганные инцидентом, вернулись в свои миры и продолжили шествие. Спаситель все еще стоял рядом, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Проводить тебя?

Я сложила руки в жест «намасте» и отрицательно помотала головой.

– Тогда береги себя. До встречи! – прокричал он на ходу, догоняя танцующую компанию.

А я направилась в сторону дома. Сама себя напугала. По сути, до сегодняшнего дня я не сделала ничего такого, за что могла стать объектом преследования полиции. Там – в толпе меня парализовал какой-то животный, первобытный страх, будто я находилась на пороге исчезновения с лица Земли. В целом танцоры мне понравились, да и Центральный парк раскрылся по-новому с необычного ракурса. Но главное – это то, что творилось внутри. Вот где настоящее искусство! Будто на стены идеально оштукатуренного белого помещения выплескивали ведра разноцветных красок, воздух наполнялся радугой брызг с ароматом жвачки, приветственные фанфары трубили, встречая яркие впечатления.

Я вернулась в квартиру на третьем этаже с узкими окнами, выходящими на тихую улочку. Ничего примечательного. Обычное жилье со встроенными шкафами и кухней, которое меняло владельцев чаще, чем переворачивались страницы в настенном календаре. Когда я очутилась в Нью-Йорке, у меня не было никакого плана. Я заключила стандартный договор аренды на квартал с возможностью продления. В следующем месяце он заканчивался, и, по правде говоря, я не знала, сколько у меня осталось времени, и буду ли я еще здесь.

Я напоминала себе дикую амазонку, охотившуюся на эмоции. Жадно заполняла закрома на предстоящую зиму, которая рано или поздно взойдет на престол, и я неизбежно кану в вечности, вернувшись туда, откуда пришла. Я и мечтать не могла, что задержусь так надолго. И уже даже успела привыкнуть к ограничениям. Внутренний голос в отсутствии внешнего стал будто громче, или это я его слышала теперь отчетливее. У невозможности говорить оказалась

---

⁴ Специальная танцевальная обувь на мягкой подошве.

масса вторичных выгод. Слова не расходились с действиями. Не нужно было поддерживать бесполезные светские беседы, спускаясь вместе с соседкой по этажу, болтать с персоналом кафе или магазина, подсказывать туристам дорогу. Раньше все это, как оказалось, меня дико раздражало. Нет, вежливость не мой конек. Скорее безбашенность с оттенком легкой придури.

Каждое утро, как в «Дне сурка», я видела 06:00 на прикроватном будильнике, доставшемся мне в наследство от предыдущих жильцов. И радовалась, потому что получила в подарок еще один день, который я могла наполнить чем угодно.

Книга была благополучно завершена и отправлена в издательство. Я не выдала себя, план сработал. Литературному агенту я сообщила по электронной почте, что ухожу в бессрочный отпуск, пожить в свое удовольствие. Никто мне и слова против не сказал. Пришло время, когда я управляла игрой, а не она мной.

И вот – новый день. Сидя на подоконнике и наблюдая, как народ спешит на работу, я размышляла, в какую авантюру вписаться сегодня. Денег на счете было предостаточно. Оставалось только нащупать на полке желаний то самое, для которого звезды сегодня сложатся наилучшим образом, и завершить выбор действием.

Но внутри было на удивление тихо. Я переместилась на раскладной диван и легла навзничь, уставившись в дряхлый потолок цвета яичной скорлупы с посеревшими углами.

Дичь какая! – подумала я в ответ на внезапно возникшую идею. – Кто делает ремонт в съемном жилье. Где в этом удовольствие?

Но мысль настойчиво клевала мне мозг, не желая уходить. А когда я чего-то хотела... Даже если это было лишено здравого смысла...

Спустя час я вернулась с полной тележкой из строительного магазина, на которой было четко написано: «Не вывозить за пределы парковки».

И что? Они меня за это арестуют? Черта с два.

Я кое-как сгребла диван, комод с телеком, обеденный стол со стульями в центр комнаты, накрыв их защитной пленкой. Позаимствовала стремянку, которую я еще раньше заприметила под лестницей на первом этаже, и принялась красить потолок, желая создать белоснежную основу чистого холста. Ну а дальше, как в утреннем эмоциональном фейерверке, залпы банок с краской обрушились на стены.

Я визжала от восторга, облачая радость, ощущение свободы, поддержки, азарта и других оттенков чувств в материальную форму. Это было что-то новое. Писательство меня так не вдохновляло. Сочинять книжки – дело нехитрое, сиди – пиши. Скуотища. Может, это было просто не мое... А вот это!

Когда весь пол был усеян пустыми разноцветными банками, и вакханалия вынужденно подошла к концу, я на пару с бутылкой вина плюхнулась на диван в целлофановом защитном скафандре. Похоже, я серьезно заболела разноцветной ветрянкой, как дети из рекламы конфет. Но результат того стоил. Комната из унылого пристанища превратилась в ожившую картину.

Импрессионизм, не иначе, – констатировала я про себя, отхлебывая вино прямо из горлышка. – Да я прирожденный творец!

Глава 7. Он

Очередной вечер пятницы я ожидал в сладком предвкушении чего-то особенного. Две гениальные в своей простоте композиции в копилку моего альбома подстегивали энтузиазм. Чем больше я писал, тем больше получалось. И стоящая вещь уже не казалась явлением Христа на Землю. Сегодня я был открыт для глубокого вдоха как никогда.

Я протиснулся через преграду из посетителей к рабочему месту и стал ждать, когда часы дадут отмашку старту ракеты импровизации. Все столики были заняты, кроме одного – того самого, который в последние месяцы интересовал меня больше всего. На нем стояла табличка «Зарезервировано». Я понимал, что это глупо – надеяться снова увидеть музу здесь, спустя столько времени. И шанс, что она появится вновь и займет место, ставшее для меня счастливым, стремился к моему выигрышу на бегах.

На фоне гула толпы я слышал, как стихла музыка в динамиках, устилая красную дорожку для моего выхода.

Я прикрыл глаза. Пальцы коснулись клавиш, унося меня далеко отсюда к приветственным возгласам папарацци. Новые отполированные ботинки мягко ступали по велюровой дорожке. Смокинг, искрящаяся первым снегом сорочка и галстук-бабочка – все в соответствии с правилами высшего общества. И изящная рука с ярким маникюром в тон ковролину, которая придерживала меня, перехватив за предплечье. Я хотел повернуть голову и увидеть лицо спутницы, но тело почему-то не подчинялось приказам.

Гонимый любопытством, совершив очередную яростную попытку, я вдруг увидел себя со стороны, будто перенесся на платформу крана телекамеры. Сделав виток в воздухе, я опустился прямо перед лицами пары, взяв крупный план.

Со мной была она! Сладкие грезы ворвались в реальность через пальцы, танцующие по черно-белым клавишам.

Вечер складывался удивительным образом... Я перевел взгляд в зал, пробежался по застывшим в оцепенении лицам, и, наконец, сопоставил желаемое с идеально подходящей действительностью. Писательница аплодировала мне из-за маленького столика в углу вместе с остальными посетителями.

Казалось, мои легкие вот-вот разорвет от переизбытка насыщенного кислородом воздуха, которым наполняла меня загадочная девушка с танцующими глазами. Я старался записать в памяти каждую деталь, каждое свое ощущение, чтобы позже за роялем вернуться к родившейся триумфальной мелодии.

Выдержав минутную паузу, чтобы насладиться овациями, я продолжил творить музыку в моменте. Периодически голова сама поворачивалась вполоборота, чтобы не упускать музу из поля зрения. И я вновь и вновь отпускал душу потанцевать вместе с ней.

Когда после двухчасового выступления я отыграл две композиции на бис и рванул к столику для одиночек сквозь расступающийся народ, который стоя рукоплескал моей игре, я обнаружил, что девушка будто испарилась.

Быть может, это было наваждение: я придумал ее, как и Оскар за лучший саундтрек к фильму...

Я повернул к выходу. Гости улыбались мне, какой-то парень похлопал по плечу, предложив угостить выпивкой. Какие-то девчонки попросили сфотографироваться с ними. Но я отказался, сославшись на спешку. И действительно ускорил шаг. Причина моего вдохновения вполне могла только-только выйти из бара в ожидании такси. В тот момент, когда я поднялся на улицу, взвизгнув колесами, резко стартанула машина с шашечками. Лица пассажира я не успел разглядеть. Да это было уже и неважно.

Я получил то, чего хотел – финальный трек. Вернувшись в магазин, я с легкостью погрузился в нужное состояние и повторил мелодию до последней ноты. С десятью композициями можно было идти к вершителям музыкального мира. Оставалось только подкопить денег на оплату студии и записать демо.

Приятель хозяина бара как раз удачно подкинул мне подработку с приличным гонораром. Все выходные я согласился играть на фортепиано мировые джазовые хиты на открытии выставки современного искусства.

Мысли о писательнице посещали меня все чаще и становились более навязчивыми. Мне это не нравилось. Еще чуть-чуть и я рисковал скатиться до анонимок по электронной почте. А после довести ситуацию до абсурда, заполучить ее адрес и поджидать в подворотне под покровом ночи... Да уж. Попахивает манией преследователя. Пора было завязывать с этим. Все, что сейчас действительно важно – не упустить удачу, которая, наконец, сжалась и заглянула в мою творческую обитель.

Субботним утром впервые в жизни я надел смокинг, который мне любезно предоставили организаторы выставки.

Неужели фантазия с красной дорожкой начинает сбываться? Хотя нет, – опустив взгляд на пошарканные ботинки, я вмиг вернулся в реальность. – По крайней мере, не сейчас.

Покрутившись перед зеркалом в подсобке, я отметил, что в моем воображении пиджак для особых случаев был явно сшит по моим меркам и сидел как влитой. В этом же одеянии на два размера больше от элегантности не осталось и следа, скорее я напоминал неуклюжего пингвина, внезапно заявившегося на чей-то праздник жизни.

Сегодня я играл с упоением, вкладывая в чужую музыку звучание своей души. Одну и ту же мелодию с расставленными в нотах паузами можно сыграть неповторимо. Это как с чтением стихотворений вслух, у двух людей выйдет по-своему. Все зависит от того, что они разглядят в зарифмованных строчках и какую эмоциональную тональность возьмут за основу.

К своему удивлению, в этот раз я не переживал, что играю созданное не мной в обмен на деньги. Осознание, что это вклад в собственное будущее стирало условности. Черный глянце-вый кашалот в центре галереи вибрировал в моих руках на все лады, создавая атмосферу.

Выставка называлась «Легенды» и включала многие направления визуального творчества: живопись, фотографию, скульптуру, инсталляции и перформансы. Экспериментам современного искусства были посвящены экспозиции в отдельных залах. Тот, который оживлял я, представлял классические направления.

Суббота незаметно перетекла в воскресное утро. Я на удивление хорошо спал этой ночью и бодро наябывал на рояле известные джазовые мелодии.

Заметив яркую шляпку с вуалью, я перевел взгляд на фотографию, которая приковала внимание женщины. Лица контрабасиста на черно-белом снимке я издали разглядеть не мог, но сложить детали в целую картину не составило труда. По всей видимости, миссис Брейкер нарядилась в новую шляпку, чтобы отдать дань памяти покойному супругу. Он поистине был легендой и вдохновлял меня. Хотя мне посчастливилось общаться с ним не так долго, как хотелось бы, и я узнал его близко уже после смерти благодаря приятельнице.

Его любимым джазовым композитором был Джелли Ролл Мортон. Когда я перешел к «*Wolverine Blues*», Миссис Брейкер вздрогнула и обернулась.

Встретившись со мной глазами, она одарила сияющей улыбкой и, пританцовывая в такт игривой мелодии, вернулась к портрету мужа. Он по-прежнему был рядом с ней. И даже ближе – он жил в ее сердце. И через меня передавал привет с того света. От этого мне и самому стало тепло на душе.

Выставка только-только открылась и посетителей в зале было немного. Видно, проснулись в выходной день пораньше самые заядлые почитатели легенд джаза.

Я улетел вслед за мелодией, а когда вернулся, увидел, что вместе с миссис Брейкер при- танцовывает еще одна шляпка. Девушка в джинсовом комбинезоне, усеянном разноцветными брызгами краски, то и дело приподнималась на мыски, сверкая ярко-желтыми носками. Я при- нял ее за художницу, но спустя мгновение понял, как ошибся.

Когда в кульминации мелодии, девушка сделала оборот вокруг своей оси, я заметил летя- щие из-под широкополой шляпы выходящие пряди и озорной танцующий взгляд. Это была Она!

Я едва сдержался, чтобы не рвануть навстречу, но вовремя опомнился, лишь ухмыль- нулся, представив пингвина, семенящего в несоразмерном смокинге.

Поставив точку в композиции, я встал из-за рояля и не торопясь, как это полагалось по этикету, направился к дамам.

Миссис Брейкер о чем-то увлеченно рассказывала спутнице.

– Доброго дня, барышни! – поприветствовал я, коротко кивнув.

Писательница мгновенно включилась в игру, присев в изящном реверансе.

– Здравствуйте, дорогой друг! – Миссис Брейкер протянула мне руку в кружевной пер- чатке. – Я не сразу узнала вас. Спасибо за весточку от мистера Брейкера.

Я пожал ее руку и перевел взгляд на писательницу.

– Это же вы были в Brandy's piano bar на моем выступлении в День святого Валентина?

Незнакомка отрицательно помотала головой.

– Но как же? И в эту пятницу...

Она одобрительно закивала.

– Вы так быстро исчезли, что я не успел вас поблагодарить. Вы вдохновили меня!

Девушка улыбнулась, но ничего не сказала в ответ.

– О, мой мальчик, – включилась в разговор миссис Брейкер, – неужели родилась финаль- ная композиция?

Я кивнул, не отрываясь от незнакомки.

– Простите, мне нужно возвращаться за инструмент. Если хотите, я сыграю для дорогих гостей что-то особенное...

– Я с удовольствием бы послушала вашу новую мелодию, – отозвалась миссис Брейкер.

– Для вас хоть звезду с неба. Надеюсь, меня не уволят за самодурство. – Я окинул взгля- дом зал, убедившись, что никого из распорядителей нет поблизости.

Леди последовали за мной к роялю.

– Как вас зовут? – поинтересовался я у незнакомки.

Вместо ответа, она положила тонкую кисть на мою руку, а затем указательным и безы- мянным пальцами поочередно дотронулась до двух клавиш. От прикосновения прохладной, чуть влажной кожи ладони, принадлежавшей будто ангелу, мое тело будто обдало океанским бризом. Ее лицо оказалось так близко, что у меня перехватило дыхание.

– Не понимаю...

Она повторила действие. И на меня снизошло озарение.

– Ноты ре и ми. Вас зовут Реми?

По взгляду писательницы я понял, что догадка оказалась верной.

– Пожалуйста, не исчезайте внезапно, как раньше. Дайте шанс, мне жизненно необходимо с вами поговорить.

Она приподняла одну бровь, но через пару секунд все же согласилась, едва уловимо опу- стив подбородок.

Я переключил все внимание на рояль и ощущение триумфа, которое вложил в последнюю композицию. А когда закончил, прочитал на лице миссис Брейкер гордость и восхищение.

– Изумительная вещь! Вы каждый раз превосходите себя! – Видно заметив мое беспокойство, она добавила: – Птичка ваша упорхнула, но оставила записку. – Миссис Брейкер протянула мне лимонный стикер, сложенный вдвое.

Я в нетерпении развернул послание:

Буду ждать в 9 вечера под Бруклинским мостом.

Внутри меня все заклокотало. Будто наваристый бульон достиг точки кипения, теперь можно было снять пенку – отсечь лишнее и оставить томиться на медленном огне до полной готовности.

Предвкушение долгожданной встречи добавляло моей игре жара. Рояль, поклонники джаза, сменяющие друг друга на посту у легенд, увековеченных в камне, светописи, масле – все растворилось в одно мгновение, когда маленькая стрелка настенных часов остановилась на восьмерке. Я бережно опустил клап, поблагодарив нового приятеля за отличную командную работу.

В животе предательски заурчало. Я вспомнил, что последнее, чем я себя потчевал, был скудный завтрак. Увлечшись музыкой мэтров, я утолял голод душевный и совсем позабыл о теле. Я не мог явиться на свидание под аккомпанемент орущих лягушек. На мое счастье, на пути мне попался передвижной вагончик с такос. Вид морщинистого повара-мексиканца подавал надежды, что обед, резко переходящий в ужин, выйдет отменным.

Я заказал три такос на вкус владельца мобильного кафе, с любопытством наблюдая за процессом приготовления. Старик едва передвигался по небольшому пространству внутри автобуса. Но его руки! Они летали, собирая все части мексиканского гостеприимства внутрь кукурузной лепешки. Каждое движение было отточено, будто он орудовал не ножом на крошечной кухне, а скальпелем в операционной. Я восхищался мастерством в любом его проявлении, и даже не попробовав угощение, поблагодарил гастрономического виртуоза за лучшие такос в городе. Этот аванс я выдал не напрасно. И дело было не в голоде. Каждый кусочек был пропитан палящим солнцем, историей и острым на язык юмором амигос. Наслаждаясь припозднившимся обедом, я потерял счет времени. А когда очнулся, шаря рукой в опустевшей картонной подложке, помчался в сторону Ист-Ривер.

Опаздываю. Неужели минутная слабость проголодавшегося человека, который растворился в неге вкусов, сорвет долгожданную встречу с манящей Музой. Только дождись меня. Ре... Ми...

Внезапно сумеречное небо озарило вспышкой, но грома не последовало.

Весенняя гроза... Почему сейчас?

Хотя именно в непогоду были написаны мои дебютные стоящие треки. Я вспомнил, как в первую весну в Нью-Йорке бежал под захлестывающим все на своем пути ливнем в новый дом соединиться с на ладан дышащим Yamaha и явить миру звучание шторма, накрывшего город.

Я был уже близко. Когда пересекал проезжую часть, меня буквально насквозь пронзил сигнал клаксона, раздавшийся в одном из припаркованных автомобилей. Оправившись от секундного испуга, я сверкнул глазами в поисках нарушителя спокойствия.

Чего сигналить, если ты на парковке?! И к своему удивлению, заметил, что из кабриолета мне кто-то активно машет. Силуэт принадлежал явно женщине. У Марли машины в помине не было. Так кто же это мог быть? Любопытство подтолкнуло меня поставить на кон пунктуальность и отойти от маршрута. На минуту – не больше. На мое счастье, за рулем сидела Реми. Я потянул было ручку двери на себя, но писательница с прищуром взглянула на меня, щелкнув центральным замком.

Что ты хочешь от меня, женщина? Я по-честному не понимал, что за игру она затеяла. Реми опустила пассажирское стекло и призывно похлопала по верху дверцы, сделав недвусмысленный жест бровями: мол, перемахни здесь.

Ну если девушка просит... Мне ничего не стоило исполнить ее маленькое желание, к тому же было приятно наблюдать, что благодаря моему поступку на ее милом личике засияла искренняя радость.

Странная она, но такая манящая. Меня всегда тянуло к тому, в чем я не разбирался. Любовь с клавишными случилась именно так. В детстве я поздно начал разговаривать, и окружающие с трудом меня понимали. Все, кроме матери, ей каким-то чудом удавалось вычленив суть из набора звуков. Однажды по телевизору я случайно наткнулся на концерт фортепиано с оркестром. Уже не вспомню, что именно они исполняли, но перед глазами и по сей день стоит крупный план рук пианиста. Они летали по клавиатуре со скоростью света. Я посмотрел тогда на свои неказистые ладошки, перебирая пальцами так быстро, как только мог. Правая рука вообще плохо слушалась, а левая с загипсованным мизинцем хоть и подавала надежды, но была пока не в строю. Я понял: музыкант был наделен суперсилой. И я захотел себе такую же способность. Спустя много лет ежедневной работы в этом направлении, я добился своего. Хотя виртуозное владение инструментом явилось лишь средством для достижения следующей ступени. Исполнительства мне оказалось недостаточно, и тогда я начал создавать...

Реми наклонилась ко мне, проскользнула тонкими пальцами с красным маникюром по животу, спустившись ниже по бедру... Я замер, не дыша от неожиданности и желания одновременно. Но спустя мгновение разочарованно выдохнул, когда она приковала меня к сидению ремнем безопасности.

Реми одарила меня загадочной улыбкой, но не произнесла ни слова. Chevrolet Chevelle заревел, отозвавшись на поворот ключа, и резко сорвался с места.

Глава 8. Она

Я дала газу, чтобы не надеть глупостей. Хотя надеть их мне чертовски хотелось. Что за народ такой противоречивый – женщины? Да, но нет. Нет, но да. Где логика? На самом деле я не придумала пока, что мне делать с моим спутником. Одно я знала наверняка: хочу, чтобы этим вечером он играл только для меня. Его музыка оживляла все вокруг, рождая во мне эмоции, которых я не испытывала прежде. И все, чего мне хотелось, это чувствовать, упиваясь каждой секундой своего существования. Вчера в баре, когда его пальцы коснулись клавиш, меня ударило молнией – я будто узнала его, хотя видела впервые.

Мы мчались по никогда не засыпающим улицам Нью-Йорка. Ветер теребил шелковый платок, элегантно повязанный на голове в духе Одри Хепберн. Сегодня у меня было такое настроение. Легкое и игривое. Если бы я могла говорить, я бы выдавала глупости одну за другой, а еще безудержно и громко смеялась всю дорогу. Но вместо голоса говорили мои глаза. Кажется, пианист понял это, поддерживая молчание и не задавая лишних вопросов. Он доверился первой встречной. Глупец. Так не стоит делать, даже если ты взрослый, сильный мужчина. Неизвестно кто может оказаться за рулем и чем это все обернется.

Я находилась в предвкушении, ум судорожно перелистывал безумные варианты развития событий, пока я не остановилась на одном из них, припарковав машину у ювелирного магазина. Пассажир вопросительно посмотрел на меня. Я не заглушила мотор, жестом указав, что он должен перебраться на мое место. Сама достала из бардачка темные очки, по очертаниям напоминающие крылья бабочки, и, цокая каблуками, полетела на мерцающий свет, искрящейся отблесками драгоценных камней в витрине.

У меня было достаточно денег, чтобы оплатить любую покупку, но это меня не вдохновляло. Я устала существовать в рамках правил и ограничений.

Почувствовать полную свободу – вот, что мне было нужно.

Девушка за прилавком была одна. Я жестом указала на бархатный планшет для демонстрации браслетов. Белое золото с переливающимися бриллиантами манило, а предвкушение поступка за гранью щекотало всплесками адреналина. Продавец помогла мне застегнуть два варианта на запястье левой руки, и когда та отвлеклась на телефонный звонок, я успела надеть еще один браслет и спрятать его повыше на предплечье, прикрыв рукавом плаща. Сердце неистово барабанило, меня бросало то в жар, то в холод – это происходило внутри. А снаружи я невозмутимо разглядывала украшения, всем видом показывая, что они мне не по душе. Девушка закончила разговор и вернулась ко мне.

Я протянула ей запястье, помотала головой, скривив губы. Она послушно сняла не понравившиеся украшения, не заметив туза в рукаве, который буквально обжигал кожу.

– Могу я вам еще что-то предложить? – спросила она ненавязчиво.

Я ответила вздохом разочарования, приложила кисть к сердцу в знак благодарности за помощь, развернулась и не спеша пошла к выходу. На улице я ускорила шаг, влетела на пассажирское сиденье и дала пианисту отмашку на старт.

Но тот не сдвинулся с места.

– Тут такое дело, у меня прав нет... – пробормотал он.

Ты серьезно? У меня тоже их нет, но разве это кого-то когда-то останавливало?! – мне хотелось съязвить ему в ответ.

На деле же я приподняла солнечные очки, оголив говорящий взгляд, который кричал: Гони! Остальное неважно.

Машина медленно выкатилась на проезжую часть и поползла к перекрестку, где горел дьявольский глаз светофора.

– Ты что-то украла? – осторожно спросил пианист, воспользовавшись вынужденной заминкой.

Я встряхнула рукой, позволив браслету спуститься к запястью, и положила ладонь ему на колено, демонстрируя блеск камней.

– Зачем тебе это? – Чувства на его лице сменяли друг друга: испуг, недоумение, восхищение, страх.

Я пожала плечами и улыбнулась, хлопнув его по коленке, когда загорелся зеленый. На этот раз он не сомневался, ударив по газам. Мой невольный соучастник не спросил куда ехать, просто гнал подальше от места моего преступления, становясь невольным его соучастником.

Неоновый свет улиц Нью-Йорка остался в прошлом, ему на смену пришли тусклые огни спящих малоэтажек пригорода, который приветствовал нас по шаблону постриженными газонами. Космическая чернота над головой вдруг прояснилась, озаренная вспышками молний вдали. Канонада хлестких капель обрушилась на оголенные колени.

Водитель сбавил скорость, остановившись на свободной парковке у ближайшего дома. Несколько минут хватило, чтобы одежда напиталась водой. Платок слетел от порыва ветра, по волосам заструились леденящие ручейки. Я крутанула ручку включения фар, удерживая ее в крайнем положении. Машина отозвалась дальним светом, но крыша и не думала подниматься.

– Бежим! – Пианист схватил меня за руку, вытягивая за собой через открытую дверцу. Табличка на столбике посреди газона сообщала, что дом продается.

Мы влетели на окутанное полумраком крыльцо. Мокрые, безрассудные и... Счастливые. Я, кажется, наконец поняла, что такое счастье. Нет, не поняла, а почувствовала. Оно щекотало нутро, заставляя безудержно беззвучно смеяться, сотрясая воздух невидимыми вибрациями. Мой спутник отряхнулся, как промокший пес, создав вокруг себя облако мерцающей влажной пыли. Он хохотал в голос, не боясь быть услышанным, настигнутым, раскрытым. От прежнего страха в его глазах не осталось следа. Чистый детский восторг и больше ничего.

Раз, два. Как твои дела? Три, четыре. Кто стучит в квартиру? Пять, шесть. Мистер Фикс здесь. Семь, восемь. Извините, что опоздал. Девять, десять. Повтори стишок нам, – пробормотав про себя безотказно работающую считалку, я приподняла третий горшок от входа на бортике террасы. Выбор был сделан верно, и в качестве приза нам достался ключ от двери.

Сигнализации на нашу удачу не оказалось. Да и кто будет приглашать гостей и устраивать им ловушку. Хотя... В триллерах именно так и бывает. Но наш вечер больше напоминал романтическую комедию.

Вся мебель в доме пряталась в полумраке под накидками. Одним движением превратив одеяние дивана в мантию, я закуталась в нее, сменив намокший плащ, и пыталась согреться. Мой новый приятель топтался у порога.

– Нехорошо это – вламываться в чужой дом.

Простудиться, когда жизнь набирает обороты, вот что по-настоящему плохо. – подумала я в ответ, скидывая туфли. – И вообще, оценку чему бы то ни было даем мы сами. Так что, считай, нам повезло.

Я медленно шла между предметов интерьера, вырисовывая ладонью их очертания. В центре гостиной мое внимание привлекло нечто, напоминающее стол королевских размеров. Я обошла его кругом, рывком сдернула накидку, оголив лаковую поверхность рояля, мерцающую в отблеске уличного фонаря у дороги.

Бинго!

Пианист на этот раз застыл в арке, ведущей в зал. Я прочитала любопытство в его глазах, подошла, мягко взяла за озябшую руку, согрев ее своим дыханием, и потянула за собой. Встав на четвереньки перед роялем, я предложила ему свою спину вместо банкетки, которой не оказалось поблизости. Он обхватил меня за талию, тут же поставив на ноги.

– Если ты хочешь послушать меня, играть будем по моим правилам. – Он огляделся по сторонам.

Глаза уже успели привыкнуть к темноте, подключив режим ночного видения, и можно было разглядеть очертания предметов, не прибегая к тактильным ощущениям формы. Найти сиденье поудачней моей спины не составило труда, правда это оказалась не что иное, как кресло-качалка.

Пианист заиграл безумно соблазнительную мелодию с озорной чертовщинкой. Я мгновенно увязла в обволакивающем звучании рояля. Накидка соскользнула. Я вздрогнула, когда кончики мокрых волос коснулись обнаженных плеч. Платье, шарф и пропитанное дождем белье оказались на паркете. Я танцевала, словно соединившись с клавишами, изгибаясь от прикосновений пальцев, пробуждающих неведомое мне чувство. Меня не смущала нагота, напротив, она помогала звучать на истинной частоте, заложенной в тело творцом. Меня не волновало, изящны ли мои движения, что подумает спутник и вообще ничего. Я наслаждалась моментом, согреваясь от костра, разгорающегося внутри.

Не знаю, сколько прошло времени. Может быть, вечность... Может, за пределами нашего мира сменялись эпохи, поколения проходили трансформацию в круговороте жизни и смерти. Может... Все может быть. Ведь людям доступно только то, что они чувствуют. Все остальное – иллюзия. И что находится за пределами наших ощущений, это лишь домыслы. Пустота, которую наполняет фантазия.

Пронзительная тишина оглушила меня. Ноги подкосились, и я медленно осела, ощутив на щеке прохладу деревянного пола. Когда я вернулась в сознание, первое, что я увидела – его глаза, наполненные тревогой. Я лежала на диване. Пианист где-то раздобыл плед и как раз заботливо подтыкал его по краям, чтобы ни один сквозняк не коснулся моего обнаженного тела. Я обхватила его шею руками и потянула к себе. Но он отстранился, приведя этим меня в замешательство.

Видно, прочитав недоумение на моем лице, он невозмутимо ответил:

– Не спеши.

Его реакция обожгла меня, и я отдернула руки. В базовых настройках у меня был заготовлен ряд возражений на этот случай: от возмущенного «ты меня не хочешь?» до предположения о нетрадиционной ориентации.

– Нет, я не тот, кто ты подумала. Мне нравятся девушки. И ты прекрасна, – продолжил он, точно прочитав мои мысли. – Но зачем лишать себя возможности насладиться всем спектром эмоций, которые предшествуют страсти?

Я с трудом понимала, о чем он говорит, но уловила главное для себя – «спектр эмоций».

Пианист опустился на пол, откинув голову на сиденье дивана. Он удивлял меня. Всякий раз проявлял нерешительность, когда нужно было переступить черту правил, и при этом легко включал «мистера уверенность» по отношению ко мне. В моем понимании это было несовместимо. Я дала себе обещание делать все, чего бы мне ни захотелось, оттягивая тетиву желаний и стремительно запуская намерения в цель. Решительности во мне хватило бы на двоих. Может, она передается воздушно-капельным путем?

Я приподнялась на локтях, услышав звук приближающейся машины, и замерла, заметив отблеск фар, проникший через стекла парадной двери.

– Бежим! – шепотом прокричал пианист, рванув меня за руку.

Мы выскользнули через задний выход. О дожде напоминали лишь капли на траве, холодящие лодыжки. Обогнув дом, мы наблюдали из-за угла, как мужчина и женщина поднялись на крыльцо.

Забрать одежду не было времени, и в дополнение к браслету из ювелирного я обзавелась еще одним трофеем. И хотя обмен дизайнерского платья на обычный плед для пикников из Costco был неравнозначным, меня устроил такой расклад. Я получила гораздо больше. Нагота,

едва прикрытая мягким лоскутом ткани, будоражила, раскрывая для меня все новые оттенки чувств. Будь я в платье, да хотя бы в белье, ничего подобного я не испытала. Обнаженное тело, как оголенный нерв, в непосредственной близости от привлекательного мужчины отзывалось волнами возбуждения. Ему стоило только протянуть руку, но он вел себя как леденящая душу отвесная скала. Холодная и неприступная.

Когда хозяева скрылись за дверью, мы, не привлекая лишнего внимания, прошмыгнули к кабриолету, умытому дождем. Стряхнув воду с кожаной обивки, я плюхнулась на водительское сидение, случайно распахнув плед в самой интересной его части. Я с надеждой подняла глаза на пианиста, но он сделал вид, что ничего не заметил: никакой реакции, кроме безразличия.

Да что с тобой не так?! – Я демонстративно перекинула край пледа через плечо, закрепив его ремнем безопасности, завела машину и наудачу снова покрутила ручку фар. Крыша послушно отозвалась на команду, заслонив собой прояснившееся небо с лунной подсветкой.

Игра перестала доставлять удовольствие, и мне хотелось поскорее ее закончить. Эмоциональная кардиограмма сегодня и так зашкаливала, и к моему разочарованию не все сто процентов пиков были положительными. Невзирая на ночь, я демонстративно достала из бардачка солнцезащитные очки, скрыв от мира свои чувства.

Нет ничего более жестокого, чем безразличие, – подумала я, с яростью утопив педаль газа, будто желала пробить днище и позволить гневу вырваться наружу, чтобы больше не испытывать ничего подобного. Я поняла, что тронулась как раз вовремя, заметив хозяина дома, вооруженного бейсбольной битой, который решительно направлялся к нашей машине.

Глава 9. Он

Реми вела себя странно. С момента встречи, кажется, не проронила ни слова. Когда она заявила с краденым браслетом, мне вообще захотелось катапультироваться из машины. А потом я будто и сам лишился рассудка, ввалившись в чужой дом. Какая-то заразная блажь. Эта сумасбродка меня укусила? Вообразила, что мы Бонни и Клайд? Но я не готов пускаться во все тяжкие. Неоправданный риск меня никогда не манил. Ставить на кон свободу – ради чего? Хотя в некоторые моменты было хорошо. Когда я играл для Реми, она танцевала так, что я не мог надышаться. Я буквально заглатывал вдохновение, разлитое в воздухе. Это было куда круче секса. Эдакое слияние бурного потока моей музыки и извилистого устья реки, в которое на мгновение превратилось ее тело. Но с ролевыми играми случился перебор.

Я помотал головой, сбросив воспоминание. Кабриолет остановился на парковке у Бруклинского моста, где Реми подобрала меня вечером. Ровно на том же парковочном месте, словно оно поджидало нашего возвращения.

Леди с безэмоциональной маской на лице заглушила мотор, небрежно бросила ключи в бардачок, забрала оттуда маленькую сумку без ручки, больше напоминающую кошелек, и вышла из машины. Она даже не взглянула в мою сторону.

Да что, вообще, происходит?

Я метнулся за ней.

– Реми, постой, я тебя провожу. Разгуливать в таком виде ночью по городу небезопасно.

Она пожала плечами, продолжив движение вглубь Манхэттена. Я шел рядом, придавленный бетонной плитой чувства вины.

– Я не хотел тебя обидеть.

Она отмахнулась, будто прогоняя назойливую муху. Этот жест в моем понимании означал «проехали», но что на самом деле она имела в виду, я мог только догадываться.

– Скажи хоть что-нибудь.

Она резко обернулась, изобразив жестом поворот ключа в ротовой скважине.

– Мне жаль, – пролепетал я, не зная, что на это ответить.

Я не видел ее глаз за темными стеклами очков, но чувствовал, что она на грани. Я не понимал, с чем связана смена координат ее настроения, да я совсем ничего не понимал. Я заметил, что Реми бьет озноб, опустил взгляд к ее босым ногам, стоящим на сыром тротуаре и, наконец, осознал какой я идиот. Я подхватил ее на руки, не дав опомниться, и ускорил шаг. Реми не сопротивлялась. Она вновь сомкнула кисти на моей шее, но на этот раз не проявляла ни малейшего интереса. Лишь на перекрестках она немного оживала, указывая направление, куда двигаться дальше.

Реми... Легкая как перышко. Говорят, что душа весит двадцать один грамм. Вот ровно столько я ощущал в своих руках... Не больше. Разве так бывает? – размышлял я, чувствуя касание заледеневших пальцев на шее. Ее сумка-кошелек позвякивала блестящими буквами логотипа на брелоке у меня на плече и весила больше хозяйки.

На момент мне показалось, что Реми уснула. Я остановился посреди тихой улочки, не зная, как лучше поступить: разбудить или отнести ее к себе домой. Как она встрепенулась, рывком спрыгнув на асфальт.

Откланявшись в реверансе, она поспешила к ближайшему дому. Оказалось, что я притормозил в нужное время в нужном месте.

– Мы еще встретимся? – бросил я ей вслед.

Этот вопрос, видимо, огорошил нас обоих. Она замерла и не оборачиваясь будто снова отмахнула рукой назойливую муху.

Вот и гадай, что это значит? Хотя я не был уверен, что сам хочу повторить вечер в компании взбалмошной девчонки, от которой непонятно чего ожидать. Может, это к лучшему. С другой стороны, не слишком ли легко я отказываюсь от музыки?! Точно. Муза. Она и должна быть странной. Как иначе родится то, чего раньше не было? Предсказуемость дает ожидаемый результат. Именно драйв новизны зажигает звезды.

Я поднял глаза к небу. Сияющие светлячки таяли в лучах наступающего дня. Идти домой не имело смысла, большую часть оставшегося для сна времени я бы провел в дороге. Реми, как оказалось, жила совсем недалеко от моего магазина, и я направился напрямик туда, подремать хоть пару-тройку часов на диванчике для посетителей.

Дребезжание будильника разнесло голову на черепки. И зачем ставить такую дикость, чтобы проснуться? Даже скоту, которого ведут на бойню, бывает, включают Моцарта. А я не скот, и у меня большие планы. Тут же я вспомнил, почему ласкающие слух звуки не прижились в качестве мелодии пробуждения. Я тогда проспал подработку в выходные: подвел ребенка в день рождения, оставив его праздник без музыкального сопровождения. Ох, как мне было стыдно. Так что да, пусть лучше бодрящий хардкор.

Собрать себя в кучу мне мог помочь только кофе миссис Брейкер. С утра она за частую заправляла сама в кондитерской, давая девочкам-помощницам поспать подольше.

«Нам старикам много не надо, царство вечных снов на подходе, все там будем», – бывало, говорила она, когда я заставлял ее в ранний час за работой.

Увидев себя в отражении стеклянной двери, я понял, что даже двойная порция эспresso не смоет следы ночных приключений с моего лица. Выглядел я изрядно помятым.

– Доброе утро! – поприветствовала меня зеленая шляпка с вуалью, показавшаяся из-под прилавка.

– Доброе утро, миссис Брейкер! – улыбнулся я ей в ответ.

– Боже! Что с вами стряслось? Двойной эспresso вас спасет. Один момент, мой мальчик.

– Вы опять читаете мысли?

– Грешна... – Она виновато отвела взгляд и удалилась готовить целебное зелье.

Я облокотился на прилавок и непроизвольно закрыл глаза под убаюкивающее жужжание кофемашины. Звук колокольчика за спиной бесцеремонно выдернул меня из дремы. Я обернулся посмотреть, кого принесла нелегкая с утра пораньше и обомлел. Передо мной стояла Реми собственной персоной. Свежая и отдохнувшая, судя по форме одежды, только что с пробежки, она пританцовывала в больших наушниках. Будто прошлой ночи и не бывало.

Встретившись со мной взглядом, она отступила. Выражение ее лица вмиг переменялось: расслабленная улыбка превратилась в маску напряжения со сжатой в замок челюстью. Она обошла меня, как будто я бездушная колонна – препятствие на ее пути.

– Мисс «флэт уайт», чудесное утро, не правда ли? – поприветствовала ее хозяйка, как всегда. – Вам, как обычно?

Реми кивнула.

– За мой счет, – не то из вежливости, не то из все еще зудящего чувства вины уточнил я.

– Познакомились поближе? – В глазах миссис Брейкер засеял блеск любопытства.

– Можно и так сказать, – хмыкнул я, приняв в руки чашку с заказом.

Расплатившись за кофе, я сел за ближайший столик и наблюдал за Реми, которая с участием вкушала одну из историй миссис Брейкер, произошедшую во время гастролей ее покойного супруга. Я слышал ее, наверное, сотню раз и не уставал умиляться, как эта женщина боготворит мистера Брейкера, хотя его уже давно нет физически рядом с ней. Вот она – настоящая любовь, которой нипочем ни время, ни расстояние!

Кофе миссис Брейкер творил чудеса: с каждым новым глотком я все больше приходил в себя. Глядя на Реми в обтягивающем спортивном костюме, я непроизвольно ее раздевал.

Да что со мной такое? – я не мог понять, нравится она мне или скорее пугает. Ее напор и выходки за гранью меня отталкивали. Но какой-то неуловимый огонек, скрытый в ее груди, вызывал во мне неподдельный интерес. Плюс она выглядела чертовски привлекательно. Невесомое облако... Я вспомнил, как еще несколько часов назад нес ее на руках.

Голова вновь загудела от напряжения. Пока я взвешивал на внутренних весах достоинства и недостатки Реми, и пытался разобраться в своем отношении к ним, в кондитерскую заглянули двое мужчин в строгих костюмах. Любительница флэт уайта уступила им место за стойкой, помахала изящным крылом-ладошкой хозяйке и прошла мимо меня на выход.

Неужели я ее так сильно обидел вчера? Но чем? Отказом от резкого сближения? – Я понял, если сейчас же не проясню ситуацию, мой череп разорвет от вопросов как переспелый арбуз.

Я догнал Реми на улице, остановил, удерживая за руку. Она мягко высвободилась из оков моих пальцев и вопросительно посмотрела на меня. Я протянул ей свой телефон с открытым на экране полем для набора номера.

Это же гениальная идея! Мы не могли полноценно общаться вслух, но писать ведь она умеет.

Но Реми не приняла предложение. В ответ губы ее скривились, и она отрицательно покачала головой.

– Но почему? – взмолился я.

Она пожала плечами и не оглядываясь пошла прочь.

В этот раз мне не хотелось ее догонять. Чем ближе я к ней находился, тем больше запутывался. Чувства, мысли, ощущения, голос разума – все перемешивалось, и я не представлял, что с этим делать. Единственное, что пришло мне в голову – оставить вопросы на потом и пойти на работу. Пора было открывать магазин.

Первую половину дня я провел в тумане. И дело было не только в бессонной ночи. Все мое существо занимали мысли о Реми. Я отвлекался на покупателей, но как только за ними закрывалась дверь, вопросы слетались стайей голубей к рассыпанному пшени непонимания.

Во время обеденного перерыва я помчался в книжный. Я едва дождался, когда в очереди девушка впереди меня заберет свою покупку. Не случайно это была как раз интересующая меня история.

– Мне нужна эта книга, – выпалил я.

– Привет, дорогой! Какая? «Печать безмолвия»?

– Привет! Да, она. Прости за мои манеры. Я спешу. Вопрос жизни и смерти.

– Полегче. Не хочешь поговорить?

– Не сейчас. Мне нужна эта книга.

– Боюсь, вынуждена тебя огорчить, но ты упустил последний экземпляр. Бестселлер... Понимаешь?

– Как? – Я резко обернулся, даже готов был дать двойную цену за нужные мне ответы, но покупательница уже ушла.

– У меня есть предыдущая книга этого автора. Может, это тебя утешит? Я ее начала читать, захватывающая история... – Она достала из-под прилавка томик с вложенной закладкой посередине. – Если для тебя это так важно, держи.

– Да, вполне! – Я выхватил из ее рук небольшое издание в твердом переплете. – Я твой должник.

Не пообедав, я вернулся на рабочее место. Все, что меня интересовало сейчас – это «Личность», которая, как я надеялся, расскажет мне о своем авторе хоть что-то.

Пробежав по первым страницам текста, я понял, что выбрал не самый кратчайший путь. Вместо понимания писательницы, у меня возникали новые вопросы.

Что творится в твоей голове, Реми?

Реми... Ей так шло это имя, простое, как две ноты и непостижимое, как сама музыка. Имя на обложке было другим. Какое из них настоящее мне оставалось только догадываться.

Кто же ты на самом деле?

Мои терзания не имели особого смысла. Я не знал, увижу ли ее вновь. Захочет ли она разделить со мной еще один день, ночь или... вечность.

Я желал докопаться до сути, понять, что кроется за озорной челкой, ниспадающей на миловидное личико. Почему она такая, что ею движет, где ее корни.

Корни!

Я захлопнул книгу и пошевелил мышкой. Оживив уснувший компьютер, открыл браузер и вбил в строку поиска Google имя писательницы с обложки. Результат меня не удовлетворил. Запрос отозвался подборкой ссылок на электронные и аудиокниги, и я добавил еще одно слово – «биография». К моему удивлению, информации больше не стало. Ни даты, ни места рождения, образования или сведений о семье писательницы я не обнаружил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.